

Единственным, кто был против выставленного Третьим принцем условия, оказался Фэн Жун. Он не мог полно объяснить, отчего он против и что следовало бы сделать, чтобы вышло лучше — но все время, пока будущее положение господина Ли обсуждалось, был мрачен и хмур. Третий принц действительно хорошо знал своего младшего брата, потому не стал дожидаться его согласия прежде, чем попросил позволения Императора: тот любил талантливых людей и никогда не был против не принадлежащих конкретной фракции министров; к тому же, Фу Цзя потакал — он быстро согласился пригласить Ли Инчуня на собрания двора.

Повод Его Величество выбрал надуманный, чем вызвал пересуды между другими чиновниками, которые свое положение выбивали поколениями верности, но тут же быстро их успокоил: господин Ли мог присутствовать на общих собраниях, куда допускались также гражданские и военные чиновники, главы торговых гильдий и владельцы уездов, но говорить должен был лишь с позволения Императора, и никакой действительной властью не обладал. Его положение можно было описать как любопытство к диковинной зверушке, вдруг возникшее в душе хозяина Драконьего трона.

Впрочем, по изящно вздернутым бровям и особой словоохотливости Пятый принц понял, что и таким положением Ли Инчунь вполне доволен. Юань Яо, что даже после блестящей сдачи императорских экзаменов не смог попасть в зал совета, смотрел на него с завистью, но и удовольствием, иногда приговаривая:

— Я так и знал, что ты окажешься перед Императором раньше меня в любом случае.

— Конечно, это каждому было понятно, — отвечал Ли Инчунь, ничуть не смущенный чужой похвалой или собственным высокомерием. Он, казалось, ни капли не был встревожен тем, что его судьбу за него решили другие люди, и собирался их щедрыми стараниями сполна насладиться.

Было, однако, в выражении его лица и нечто суровое. Пятый принц заметил это случайно, когда понял, что за улыбками и колкостями на краткий миг Ли Инчунь будто замирает, словно решая, какую эмоцию он должен изобразить теперь. Фу Ичжэнь не стал спрашивать в момент, когда рядом крутились Юань Яо, даосы и слуги, и лишь под вечер долгого дня, когда господин Ли расположился на открытой веранде своих покоев, а Фэн Жун рядом с ним болтал о пустяках, Пятый принц вдруг спросил:

— Что господина Ли тревожит?

Ли Инчунь на миг замер, удивленно вскинул брови, а после поджал губы, раздосадованный тем, что его раскрыли. Это выражение виной отозвалось в душе Фу Ичжэня: все же он не был бессердечным, и понимал, что лишь его действия вынудили господина Ли теперь собираться ко двору — разве он мог проигнорировать теперь его тревоги?

Лишь Фэн Жун ничего не понимал:

— Что случилось? — с глупым выражением спросил он и тут же обернулся к Ли Инчуню: — Неужели ты боишься Императора? Не волнуйся, он резок, но справедлив, и обижать тебя, пока ты живешь в поместье Фэн и водишь дружбу сразу с двумя принцами, не станет!

— С чего господин Фэн решил, что я испуган? — улыбнулся в ответ Ли Инчунь. — Мне льстит ваше беспокойство, но не стоит.

— Брат Фэн может казаться бестолковым, но он сам, его отец и дед служили при дворе — его советы могут в самом деле пригодиться, — сказал Фу Ичжэнь. Фэн Жун нахмурился:

— Разве бестолковее Вашего Высочества? На первом своем заседании вы вовсе не могли держать язык за зубами!

Пятый принц, ничуть не задетый этим старым воспоминанием, коротко ответил:

— Мне было двенадцать, я не знал порядков.

— Мне же давно не столько, потому вам обоим не стоит переживать, — остановив перепалку, сказал Ли Инчунь. Редко когда можно было увидеть, как он расслабляется: в такие момент уголки глаз юноши опускались, словно в легкой улыбке, а голову он чуть склонял в сторону, игриво присматриваясь к происходящему. Такое выражение чаще всего Фу Ичжэнь у господина Ли видел, когда тот обыгрывал его в облавные шашки или карты — однако теперь словно водная гладь первым инеем оно было отравлено легкой тревогой. — Я не тревожусь из-за Императора...

Внезапно, перебив Ли Инчуня, Фэн Жун стукнул себя кулаком по раскрытой ладони и воскликнул:

— Но ведь на приеме будет и Пань Тань! Ты, наверное, боишься его?

Господин Ли на миг замолчал, в который раз поражаясь тому, насколько некоторые люди могут быть бестактны, и все же ответил.

— Не боюсь. Но встречаться с ним мне бы не хотелось.

— Ах, не переживай! — словно и не слыша Ли Инчуня, махнул Фэн Жун рукой. — На прием мы пойдем вместе, потому он тебе ничего не сможет сказать! К тому же, тебя теперь заметил сам Император, и даже Цзяннаньский хоу не решится тебя обижать!

От своей искренней речи молодой господин Фэн так распалился, что вдруг закашлялся. Пока он силился справиться с дыханием, Ли Инчунь и Фу Ичжэнь переглянулись: пусть и подобным раздражающим способом, но Фэн Жун сумел легкую тревогу в чужой душе усмирить.

Утром дня, в который Ли Инчунь должен был предстать ко двору, было туманно и холодно. Мир не желал просыпаться, хотел еще немного покутаться в теплое ночное одеяло из влажного марева и глубокой тишины. Даже извечные лавочники на площадях, что, казалось, не ложатся вовсе, сегодня были вялыми — лишь евнухи в императорском дворце придерживались положенного им отрешенного вида. Только совсем молодые слуги, когда думали, что никто не видит, сонно позевывали.

На господина Ли, пришедшего вместе с Пятым принцем, мало кто обратил внимание: он не имел заслуг перед двором и не успел пока обрести какую-либо известность, а потому и в лицо его не знали. Новые люди не были редкостью для императорских собраний. Молодые ученые, землевладельцы из дальних земель и богатые торговцы показывались на этих встречах и, пусть не имели права говорить, могли слушать золотые речи Императора, текущие сквозь его яшмовые уста — когда он решал высказаться.

Только один взгляд за лицо Ли Инчуня зацепился. Господин Ли старался не смотреть в ту сторону, ощущая, как бессильное ощущение сводит спину, но Пань Тань, конечно, сквозь толпу сразу заметил его. Ли Инчунь для себя решил сегодня ни за что на Цзяннаньского хоу не обращать внимания, сделать вид, что они никогда прежде не встречались, однако в душе корил себя за слабость и хотел знать, какое лицо сейчас изобразит этот человек.

Это должна была быть интересная смесь эмоций. Пань Тань, так как никогда открыто не объявлял о каких-либо преступлениях господина Ли, не мог и теперь его в чем-то обвинить, но если принять, что рассказ Мин Цзе был правдой, выходило, что остаться безучастным он тоже не мог. Что же было там, в его лице? Злость, раздражение, досада от собственного бессилия? Ли Инчунь в чужих красивых чертах за долгие три года видел, кажется, все неприязненные эмоции, но теперь ему захотелось взглянуть с новой силой, только чтобы в душе испытать нечто, схожее с гордостью: этот человек долгое время смотрел на него, словно на уже остывающее тело: какого ему его теперь было видеть среди отрезвов алого шелка и барельефов с величественными драконами?

— Ты мне будешь должен за злобу, с которой он на меня пялится, — едва шевеля губами, сказал Пятый принц. Чиновники и придворные министры заняли свои места согласно рангов и принялись ждать появления Его Высочества. Пятый принц по праву рождения должен был стоять совсем близко к Императору, но лишний раз раздражать отца своим видом не желал, потому всегда скромно останавливался у самых дверей, рядом с младшими сановниками. Сегодня компанию ему составил Ли Инчунь.

— Ничего не поделать, Ваше Высочество, — так же тихо отозвался господин Ли. — Он, должно быть, в ярости теперь: некоторое время назад он почти поверил, что вы повинны в моем исчезновении, но после отвлекся на Третьего принца — обидно нечто подобное осознавать.

— А ты звучишь радостно, — заметил Фу Ичжэнь. Ли Инчунь пожал плечами.

— А чего мне грустить? Пусть странными методами, но я попал на императорское собрание — чем не взлет по карьерной лестнице?

— Способы у вас, господин Ли, ужасно странные, — ухмыльнулся Пятый принц. Ли Инчуня тоже его слова развеселили, заставив немного расслабиться: он незаметно переступил с ноги на ногу, ощущая, что будто даже раненая стопа болит меньше.

Очень скоро голос главного евнуха ознаменовал прибытие Императора, и все министры синхронно опустились на колени. Послышался решительный, но чуть ленивый стук деревянной платформы шелковых императорских туфель и тяжелый шорох его дорогих одежд. Его Величество появился в зале, одобрил приветствиями нескольких доверенных своих чиновников и опустился в установленное для него на возвышении кресло. Только после этого министрам и чиновникам разрешили встать.

Первый докладчик решительно, но взволнованно вышел в центр зала и принялся читать донесение с выбеленных бамбуковых дощечек. В это время главный евнух подал Императору чай, и тот, небрежно откинувшись в кресле, фарфоровой крышечкой принялся убирать случайные чаинки, дуя на напиток. Даже такое простое действие у него получилось неожиданно величественным.

Незаметно Ли Инчунь рассматривал Императора. Тот был крепким мужчиной со здоровой кожей и глубоко посаженными, внимательными глазами. Его волосы еще были черны, словно тушь, но в уголках глаз от государственных забот уже собрались пучки тонких морщинок. Он обладал приятным, но довольно обычным лицом, какое легко представить в любой одежде и на любой должности. Это было даже удивительно, учитывая, что Первая принцесса очарованием покорила Фэн Жуна, Третий принц был довольно хорош собой, а Пятый и вовсе слыл красавчиком. В лице Императора с Фу Ичжэнем определенно прослеживалось некое сходство в форме бровей и изгибе губ, в остальном же Пятый принц, видимо, пошел в мать — что неожиданно Ли Инчуню показалось очень удачным обстоятельством.

Собрание шло неспешно: министры высказывались и читали доклады, предлагали решение возникших на землях Императора проблем или эти проблемы создавали: несмотря на всю важность подобных встреч, было в них что-то мирное и спокойное, как от привычной всем и каждому рутины. Главный евнух бесшумно подносил Императору чай и закуски, Пятый принц скучающе следил за выражениями лиц придворных, Фэн Жун — стоящий поодаль от друзей, — иногда резко, саркастично высказывался, чем вызывал у Его Величества сдержанные улыбки. Молодой господин Фэн вообще оказался очень деятельным: пусть большая часть докладов ни в коей мере его не касалась, раз уж он оказался здесь, Фэн Жун предпочитал высказываться, если ему было, что сказать. Не многие старые министры могли себе позволить подобное, но господин Ли заметил, что большая часть придворных молодого господина Фэна любят: то ли из-за того, что он нравился Императору, то ли из-за разгоняемой звонкими голосом скуки — понять было трудно.

Под конец, когда утренний туман разогнало вставшее солнце, и в его лучах у стоящих за пределами зала стражей стал виден идущий изо рта от легкого мороза теплый пар, с докладом вышел глава личной стражи императора. Он отвечал как за охрану Его Величества и всего Запретного города, так и за громкие дела, произошедшие в столице. Министры тут же подобрались: ничего хорошего этот человек своим вороньим ртом никогда не говорил.

Не размениваясь на долгие приветствия, глава императорской стражи рассказал:

— Этой ночью в красильном квартале был найден утренней стражей человек. К моменту находки он был уже холоден, но когда его принесли в мертвячную и осмотрели, в одеждах нашли жетон варварских племен, — глава стражи подал знак и слуга тут же поднес ему на вытянутых руках небольшую коробочку. Мужчина неспешно достал оттуда бронзовый жетон: размером с ладонь, он притягивал взгляд вязью диковинных узоров в виде скалящихся морд хищных зверей, каких не встретить было на Центральных равнинах. Одного взгляда хватало, чтобы признать эту вещь принадлежащей варварам.

Конечно, ранним утром Императору прежде всего сообщили о находке, потому сейчас он не выглядел удивленным, скорее суровым. Наконец отставив чай и дав слугам знак отстраниться, Его Величество обвел зал долгим взглядом.

— Мы выиграли войну с варварскими племенами, но эти люди продолжают словно клопы поодиночке пребывать в столицу, чтобы вредить нам. Позволить им творить все, что вздумается, особенно теперь, перед празднованием Нового года, нельзя. Скажите же нам, как мы должны поступить?

Чиновники стушевались. Ответ здесь был лишь один — тщательно расследовать это дело, но никто не хотел выступать вперед, чтобы ответить так. Из-за страха ли, что именно на него повесят такое важное дело, или из-за общей робости. Каждому было понятно, что мотивы Императора не так просты, если он не позволил попросту разобраться своей страже, более того, возможно, он подозревал в предательстве кого-то из стоящих здесь, раз так открыто обо всем рассказал. Это не могло в душах верных подданных не зародить подгнившие семена страха.

— О чем тут думать, Ваше Высочество? — раздался звонкий голос и вперед выступил Фэн Жун. Пятый принц и Ли Инчунь синхронно поджали губы: этот человек точно не знал, когда перед кошкой нужно было прикинуться мертвой мышью.

Императору, однако, молодость и горячность Фэн Жуна нравились, а на фоне своего отца, который вовсе никогда не говорил первым и всегда прятался за спины других министров,

молодой человек и вовсе казался Его Величеству крайне преданным и инициативным. На грани наивности — но рядом с Императором было слишком мало таких людей, потому молодому господину Фэну он благоволил, и сейчас слабо улыбнулся:

— О чем министр Фэн говорит?

— Конечно, это дело надо расследовать, — прямо сказал Фэн Жун и тут же уточнил. — Почему Ваше Величество не приказал этого своей гвардии?

Ли Инчунь вдруг подумал, что Фэн Жун лишь притворяется перед Императором непроходимо наивным — не могло же быть, чтобы нечто подобное он спросил прямо и четко? Его Величество, однако, снисходительно ответил:

— Лишь недавно закончилась война, но на границах еще не спокойно. Если дело будет расследоваться нашими людьми, то непременно наши подданные забеспокоятся, а перед праздником мы не хотим тревожить кого-либо.

— Ваше Величество благороден и мудр, — кивнул Фэн Жун. — Все здесь — ваши верные слуги, и любой по вашему приказанию за это дело со всем рвением возьмется.

Сказав так, молодой господин Фэн склонил голову отступил на шаг, и все вокруг поразились его коварству. Оказывается, выступив вперед, Фэн Жун специально обратил внимание Его Величества на себя: спросил о делах, польстил Императору, а после отступил: теперь в глазах Его Величества молодой господин Фэн был единственным, кто как-то на его слова отреагировал и, выбирая несчастного, кому придется искать убийцу, Император не стал бы на него смотреть. И если бы даже выбрал в итоге Фэн Жуна — он оказался бы единственным, кто из всего собрания министров проявил инициативу — очень хитро!

Его Величество этот план будто бы тоже понимал и тихо посмеивался ему: все же, если бы он в самом деле решил Фэн Жуна нагрузить дополнительной работой, никакие хитрости ему бы не помогли. Однако Император снисходительно отвел взгляд от юноши и осмотрел других чиновников. Взгляд его зацепился на единственное незнакомое этим утром лицо.

Его Величество сказал:

— На утренних собраниях обсуждаются обычно текущие дела и редко когда появляются результаты происков наших врагов. У того, кто не бывал на собраниях раньше, могут возникнуть неверные впечатления, — Император теперь прямо взглянул на Ли Инчуна. — Господин Ли, что вы об этом думаете?

Все, кто стоял рядом, невольно обернулись на юношу: раньше внимания на него никто показательно не обращал, почитая обычным ученым средней руки, однако для Императора он был человеком, которого порекомендовал Третий принц — конечно, Его Величеству было интересно. Ли Инчунь вежливо склонил голову и сказал:

— Отвечая Вашему Величеству, о деле мне пока известно очень мало. Что за человека убили? Кем она работала? Как оказался в красильном квартале и нельзя ли предположить, что его смерть — случайность?

Говорил Ли Инчунь не очень громко и чуть лениво, словно рассуждал о делах совершенно обыденных. Голос его был хрипловат, но неуловимо мягок, потому слушать его каждому было очень приятно. Император в ответ на слова господина Ли посмотрел на главу своей гвардии и тот ответил:

— Убитым был слуга из торгового квартала, из частной лавки. На ночь обычно он оставался при заведении, но вчера не вернулся туда и хозяева уже принялись его разыскивать. Никогда ни в войне, ни в делах государства он замешан не был. Зарублен мечом: от плеча до бедер глубокая рана, от которой он и скончался.

— Дело странное, — задумчиво протянул Ли Инчунь. — Если бы этот человек убит был вором или по случайности, то такой раны бы не стало, а раз она есть — нет причин не думать, что она связана с найденным жетоном. Кто знает, что планировал этот человек в столице: в первую очередь надо найти свидетелей его убийства или последних моментов жизни, чтобы хорошенько их расспросить.

Император с довольством кивнул и хотел уже отрядить господина Ли на это дело, тем самым и проверив его способности, и позволив человеку Третьего принца продвинуться — но внезапно раздался еще один голос, низкий и глубокий. Говорил человек будто с извечной улыбкой, но слова его были четкими и резкими, словно военный марш.

— Не могу согласиться с господином, — с другой стороны зала сказал Пань Тань и люди рядом с ним тут же закивали. Фэн Жун на его слова, не скрываясь, закатил глаза, а Пятый принц нахмурился: лишь Ли Инчунь смотрел только в сторону Императора, будто ничего и никого не слышал. — Столица огромна и людей в ней не счесть — искать кого-то будет долго пользы не принесет. Лучше проверить прошлое этого человека, его близких: если он связался с варварскими племенами, то они должны знать, — Пань Тань сделал шаг вперед и склонил перед Императором голову. — Ваше Величество, я сражался с варварами на западной границе и знаю их повадки. Я чувствую, что сделал недостаточно, раз и в столице они смогли доставить проблемы, потому прошу вас дать мне шанс расследовать это дело.

— Военные чиновники занимаются войной: что генерал подразумевает, предлагая в городе свою помощь? — едко заметил Фэн Жун, но Пань Тань в его сторону лишь снисходительно улыбнулся.

Другой чиновник, со стороны генерала, возразил:

— Генерал лучше прочих знает, на что варвары способны, потому отдать ему расследование — благо. Он этих людей понимает и сможет заметить то, что не сможем мы.

— Потому, верно, с первых слов делает неверные выводы, — тихо, но все же довольно отчетливо сказал Ли Инчунь. Министры рядом посмотрели на него широко открытыми глазами: Цзяньняньского хоу все кругом уважали или боялись, никто подобного при нем не осмеливался произносить. В душах чиновников возросло возмущение: этот человек был на приеме Императора впервые, но уже позволял себе подобное! Немыслимо!

Пань Тань же прямо обернулся к господину Ли и улыбнулся: как показалось Пятому принцу — хищно:

— В чем же мои выводы не верны?

Ли Инчунь не стал отвечать, словно генерал к нему не обращался. Юноша глядел только на Императора и ему прямо сказал:

— Ваше Величество верно заметил, что скоро начнутся гуляния по случаю празднования Нового года, и допустить небрежность в них нельзя. Я надеюсь, Ваше Величество выберет верного человека для расследования этой неприятности.

Император задумался и взмахнул рукой, призывая задумавших возразить к тишине. Некоторое время он молчал, а после провозгласил:

— В словах генерала Паня, как и господина Ли, если истина — вы оба будете расследовать это дело. Действуйте так, как посчитаете нужным и просите у моей гвардии любой помощи. Через три дня будьте готовы здесь же предоставить мне ответ по тому, что произошло.

Многочисленным министрам и чиновникам оставалось лишь покорно склонить головы.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1727002>